

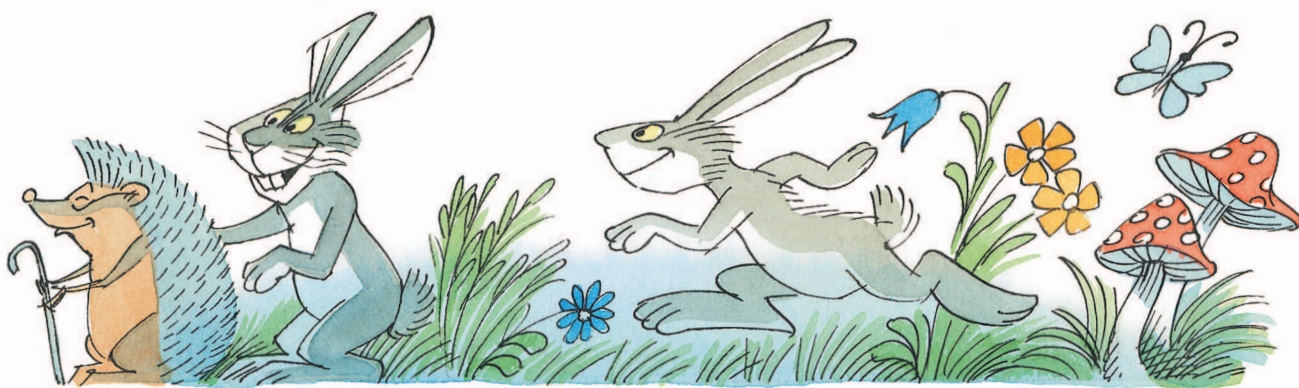

Э.УСПЕНСКИЙ

Вниз по Волшебной реке

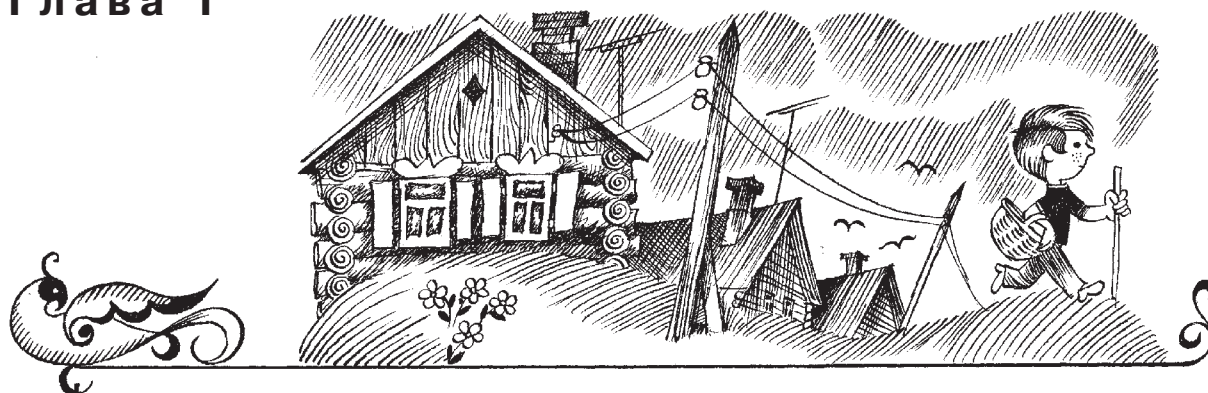
Сказочная повесть

РИСУНКИ
В.ЧИЖИКОВА

«МАЛЫШ»

ВОЛШЕБНАЯ ТРОПИНКА

В одной деревне у одной бабушки жил один городской мальчик. Звали его Митя. Он проводил в деревне каникулы.

Целыми днями он купался в речке и загорал. По вечерам он забирался на печку, смотрел, как бабушка прядёт свою пряжу, и слушал её волшебные сказки.

— А у нас в Москве все сейчас вяжут, — говорил мальчик бабушке.

— Ничего, — отвечала та, — скоро и прясть начнут.

И она рассказывала ему про Василису Премудрую, про Ивана-царевича и про страшного Кощея Бессмертного.

А однажды утром бабушка сказала ему:

— Вот что. Возьми-ка ты гостинцы и сходи к тётке моей двоюродной — Егоровне. Погостишь у неё, поможешь чего по хозяйству. А то она одна живёт. Старая совсем стала. Того и гляди, в Бабу Ягу превратится.

— Ладно, — сказал Митя.

Он взял гостинцы и пошёл по дорожке через лес. Всё прямо и прямо. Как ему бабушка объяснила. Но чем дальше он отходил от деревни, тем больше удив-

лялся. Деревья расступались перед ним как живые. Трава стала зеленее, а цветы красивее и душистее.

И вдруг навстречу мальчику выбежал большой-пре-большой Серый Волк. Куда больше тех, что обычно сидят в зоопарке.

— Здравствуйте, — проговорил он человеческим голосом. — Вы, случайно, не видели здесь козлика? Серенького такого?

Митя сначала растерялся, а потом сказал:

— Нет... Не видел я козлика.

— М-да, — задумчиво протянул Волк, — значит, быть мне сегодня без завтрака. — Он сел на задние лапы. — А вот девочка вам не попадалась? Такая маленькая, с корзиночкой? В красной шапочке?

— Нет, — ответил Митя, — и девочка мне не попадалась.

— М-да, — ещё задумчивее протянул Волк, — значит, быть мне сегодня без обеда! — Он повернулся и побежал обратно в лес.

Мальчику стало жалко Волка, и он сказал:

— А хотите, я вас угощу? У меня есть с собой пирожок.

Волк остановился.

— С чем? С мясом?

— Нет. С капустой.

— Не хочу, — сказал Волк. — Вот колбасы я бы съел. Есть у тебя, мальчик, колбаса?

— Есть, — ответил Митя. — Только я боюсь, меня бабушка заругает.

— Какая ещё бабушка? — заинтересовался Волк. Потому что серые волки всегда интересуются чужими бабушками и внуками.

— Бабушка Егоровна. Я к ней иду.

— Для тебя она, может, и бабушка, — усмехнулся Волк, — а для меня... ну даже ни капельки. Не бойся, она не заругает. Ты уж меня угости, а я тебе ещё пригожусь!

Митя угостил Волка колбасой и пошёл дальше. Ему совсем не было страшно. Потому что лес вокруг был очень добрый и светлый.

Дорожка пересекла зелёную поляну и побежала вниз, к речке.

Над речкой стелился белый туман и пахло молоком. Над туманом поднимался мостик.

— Неужели эта речка молочная? — удивился мальчик. — А мне никто про это не говорил.

Он остановился посередине моста и долго смотрел, как по лёгким молочным волнам бегают солнечные зайчики. Потом он пошёл дальше. Его шаги гулко раздавались в тишине, и с кисельных берегов прыгали в молоко разноцветные пучеглазые лягушки. Наверное, они были сделаны из желе.

Потом дорожка провела мальчика по тёмному лесу и упёрлась в низкий деревянный забор. За забором стояла ветхая избушка на курьих ножках.

— Избушка, избушка, — сказал мальчик, — а ну-ка повернись к лесу задом, а ко мне передом!

Избушка повернулась.

— Вот здорово! — удивился Митя. — А теперь налево! Раз-два!

Избушка повернулась налево.

— А теперь на месте шагом марш!

Раз-два! Раз-два! Раз-два... Раз-два... — маршировала избушка, поднимая пыль. И слышно было, как внутри на полках гремели, перекатываясь, чашки и блюда.

Но тут окошко растворилось, и из него высунулась какая-то старуха.

— Ты что хулиганишь? Ты что хулиганишь? — закричала она. — Вот как выскочу, как выпрыгну, как тресну метлой!

— Здравствуйте, — сказал ей Митя. — А вы, бабушка, кто? Вы не Баба Яга?

— Да, — ответила старуха. — А ты кто такой?

— Я — Митя.

— Какой ещё Митя?

— Обыкновенный, Сидоров.

— А что же мне с тобой делать?

— Как — что?

— А так. Будь ты Иван-царевич, я бы тебя чаем напоила и спать уложила. Будь ты мальчик Ивашка, я бы тебя в котле варить стала. А что мне с Митей делать, я и ума не приложу!

— Варить меня не надо, — сказал мальчик. — Ведь я вам гостинцев принёс.

— От кого гостинцы?

— От бабушки моей Глафиры Андреевны. Я её внук.

— Да что же ты сразу не сказал? Стало быть, ты мой родственник! А я тебя метлой хотела! Ты уж погоди. Я мигом.

И в избушке что-то зашумело, зашуршало, задвигалось. Очевидно, подметался пол, стелилась свежая скатерть и вынималась чистая посуда.

Наконец дверь распахнулась, и мальчик поднялся по ступенькам.

В доме было чисто и прохладно. Баба Яга, с большим носом, нарядная и причёсанная, сидела за сто-

лом, а рядом с ней — маленькая, затхлая и какая-то вся зелёная незнакомая старушка.

— Почему вы, бабушка, такая мокрая? — спросил её мальчик. — Будто из болота вылезли?

— А я из болота и вылезла, — ответила старушка. — Я живу там, в болоте. Уж тыщу лет, наверное!

— Вот это да! Я и не слышал, чтобы люди в болоте жили. Да ещё тысячу лет!

— Конечно, — обиделась старушка. — Про Бабу Ягу вы все небось слышали. А я что? Я в ступе не летаю. Иванов-царевичей не кормлю. Я просто в болоте живу, и всё!

— Да знаешь ты её! Это же Кикимора болотная! — вмешалась Баба Яга. — Она тут живёт, по соседству. В гости выбралась.

— Вы, значит, Кикимора? Тогда я про вас знаю. Вы вместе с Лешим в лесу людей пугаете. Правильно?

— Какое там вместе! От него помощи дождёшься! Всё самой приходится делать!

Она немного успокоилась.

Всё-таки приятно — посторонний человек, городской мальчик, а о тебе что-то знает.

И они стали пить чай с брусничным вареньем и с клюквенным.

И разговаривать о том о сём. О пятом, о десятом.

О тринадцатом и четырнадцатом.

На столе стояло блюдечко, старушка всё время заглядывала туда. А по блюдечку каталось яблочко.

— А это что? — спросил мальчик.

— Это яблочко — по блюдечку, — ответила Баба Яга. — Подарок мне от Василисы Премудрой. Она погостить приезжала, вот и оставила. Она много чего придумывает!

— Что же по нему видно, по этому блюдечку?

— Да всё, что хочешь. Мы всё теперь знаем, что у нас в царстве делается! — сказала Кикимора.

— Да ты садись поближе и смотри. — Баба Яга подвинула мальчику табуретку.

Митя взглянул... и вот что он увидел.

Глава 2

ЦАРЬ МАКАР

а берегу широкой Молочной реки стоял царский дворец.

Было жарко. Жужжали мухи. От жары молоко кое-где скисало, и в затонах получалась простокваша.

Во дворце тихо. Все обитатели попрятались где-то от невыносимого солнечного зноя.

И только в тронном зале было прохладно. Царь Макар сидел на краешке трона и смотрел, как прислужник Гаврила неторопливо натирал полы.

— И как ты трёшь? Как ты трёшь? — закричал царь. — Кто ж так полы натирает? А ну дай мне! Я тебя враз обучу!

— Нельзя, ваше величество, — степенно ответил Гаврила. — Не царское это дело — полы натирать. Увидит кто — разговору не оберёшься. Вы уж сидите, отдыхайте себе.

— Тьфу ты! — вздохнул Макар. — И что это за жизнь у меня? Топором работать нельзя — несолидно! Полы натирать нельзя — неприлично! Ну скажи мне, Гаврила, есть мне житьё в этом доме?

— Нет, — ответил Гаврила, — нет вам житья в этом доме!

— Ну, а скажи мне, Гаврила, видел ли я в жизни чего-нибудь хорошее?

— Не видели, ваше величество. Ничего вы не видели.

— Нет... если подумать, — сказал царь, — то что-нибудь хорошее-то было.

— Ну... если подумать, — согласился Гаврила, — тогда было. Это понятно. — И он снова зашаркал щёткой.

— Эх ты, «было — не было»... Слова путного от тебя не услышишь! Вот брошу всё, — продолжал царь, — и уеду в деревню к бабушке. Буду рыбу ловить на удочку. Пахать, как все люди. А вечером на завалинке буду песни играть. Эй, Гаврила, — приказал царь, — подай мне сюда балалайку!

— Нельзя, ваше величество, — ответил тот. — Не положено вам на балалайке играть. Не царское это занятие. Я вам гусли дам. Хоть весь день бренчите.

Он снял со стены гусли и, шлёпая босыми ногами, подошёл к царю. Макар поудобнее устроился на троне и запел:

В тёмном лесе, в тёмном лесе,
В тёмном лесе, в тёмном лесе,
Залесью, залесью...
Распашу ль я, распашу ль я,
Распашу ль я, распашу ль я...

Тут он остановился.

— Эй, Гаврила, что я распашу-то?

— Пашенку, ваше величество, пашенку.

— Ах да, — согласился царь и допел:

Пашенку, пашенку,
Я посею, я посею,
Я посею, я посею...